

ЯПОНИЯ

СКВОЗЬ ВЕКА:

ОТ ДРЕВНИХ ДИНАСТИЙ
ДО СТРАНЫ БУДУЩЕГО

И^и

Фёдор Северный

Фёдор Северный

**Япония сквозь века: от древних
династий до страны будущего**

«Автор»

2026

Северный Ф.

Япония сквозь века: от древних династий до страны будущего /
Ф. Северный — «Автор», 2026

Как архипелагу, веками балансировавшему между изоляцией и обменом, удалось стать одной из самых технологичных стран мира — и какой ценой? Путь Японии — от Дзёмон и Ямато через дворцовую культуру Хэйана, власть сёгунов и мир Эдо — к реформам Мэйдзи, имперским амбициям, поражению и послевоенному возрождению. За громкими эпохами — не только войны и правители, но и перемены повседневной жизни, борьба за власть и последствия политических решений. Хроники и археология помогают отделить миф от истории; за образом «закрытой страны» видны регулируемый обмен и контакты. Демографические и экологические вызовы напоминают: будущее не предопределено. Для тех, кто хочет понимать не только что происходило, но и почему. Эта книга покажет Японию как сложное общество, вновь выбирающее свой путь. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Северный Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Архипелаг на перекрёстке морей: география, климат и истоки японской цивилизации	6
Доисторическая Япония: культура Дзёмон, земледелие Яёй и первые общества	10
Возникновение государства Ямато: кланы, китайские хроники и формирование императорской власти	15
Япония ранних столиц: реформы, буддизм и государственный порядок эпох Асука и Нара	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фёдор Северный
Япония сквозь века: от древних
династий до страны будущего

Япония сквозь века: от древних династий до страны будущего
Фёдор Северный

Архипелаг на перекрёстке морей: география, климат и истоки японской цивилизации

Представим мореплавателя, который впервые подходит к незнакомому берегу. Перед ним — тёмная гряда гор, за нею поднимается дым; море позади уже не кажется дорогой домой, а берег впереди ещё не обещает безопасности. Где пристать? Найдётся ли здесь пресная вода? Можно ли переждать шторм, не зная местных ветров и течений? Мы не знаем имени этого человека и не можем восстановить его путь во всех подробностях. Но сам выбор — высадиться, искать другой берег или повернуть назад — повторялся на протяжении тысячелетий. Так началась история людей в архипелаге, который никогда не был ни неприступной крепостью, ни простой остановкой на пути из одного мира в другой.

Чтобы понять Японию, попробуем мысленно пройти её с севера на юг. Не по современной железной дороге — её тогда, разумеется, не существовало, — а вдоль берегов и проливов, замечая, где вода мешает движению, а где сама становится дорогой. За спиной останется холодный север, впереди откроются горы, внутренние моря, плодородные равнины и острова, уходящие в субтропическое тепло. Эта карта сразу предостережёт от двух удобных ошибок: будто Япония была изолирована от соседей и будто её география заранее предписала ей единственный путь.

Север: холод, лес и открытая граница

На севере архипелага лежит Хоккайдо — остров с долгой зимой, обширными лесами и климатом, заметно более суровым, чем на большей части Хонсю. Между Хоккайдо и Сахалином во времена низкого уровня моря могли возникать сухопутные связи; проливы становились уже, хотя само понижение моря не превращало всю северную часть Тихого океана в сплошную равнину. Люди и животные могли перемещаться по меняющимся ландшафтам, а там, где путь всё же пересекала вода, требовались лодки, знание берега и подходящий сезон.

Север не был просто «дальней окраиной» будущей японской державы. Здесь складывались собственные способы жизни, приспособленные к лесу, морю, рыболовству и охоте. Позднее остров стал одной из важнейших родных земель народа айнов, чья история и культура не сводятся к истории государства Ямато и его потомков. Современное политическое деление не следует переносить в далёкое прошлое: архипелаг заселяли и осваивали люди разных регионов, и далеко не все они с самого начала мыслили себя частью единой страны.

Зимой северный путешественник видел не ту Японию, которую обычно представляют по цветущей сакуре. Снег, замёрзшие воды, короткий сезон сельскохозяйственных работ меняли распорядок и требовали запасов. На тихоокеанской стороне северного Хонсю зимы обычно суше, тогда как со стороны Японского моря холодные воздушные массы, набирающие влагу над морем, при встрече с горами приносят обильные снегопады. Один и тот же горный хребет оказывается и стеной, и климатическим переключателем: он затрудняет путь, но одновременно создаёт разные условия по разные стороны.

Горы внутри страны, дороги у её краёв

Хонсю — крупнейший остров архипелага — пересечён горными цепями. Долины и перевалы дробят сушу на отдельные области; значительная часть равнин невелика и лежит у побережий или в межгорных котловинах. Реки, как правило, короткие и быстрые: вода стремительно спускается с высот к морю, размывает берега, несёт наносы и может выходить из берегов. Для земледельца это источник плодородных земель и одновременно постоянный повод следить за дамбами, водоотводами и сезонными дождями.

Суша здесь не всегда лучший путь между соседями. Перевал может оказаться труднее морского перехода, а прибрежная лодка — удобнее дороги через горы. Поэтому архипелаг

полезно воображать не как набор островов, разделённых пустыми промежутками, а как сеть берегов, бухт, проливов и внутренних вод. Море порой соединяло людей быстрее, чем горная тропа.

Особенно ясно это видно на Внутреннем Японском море, между Хонсю, Сикоку и Кюсю. Защищённое от открытого океана, оно образует пространство с многочисленными островами и удобными стоянками. Здесь плавание не было безопасным автоматически: морякам нужно было учитывать погоду, течения, рифы и сезон. Но освоенный маршрут мог связывать поселения вдоль берега и поддерживать обмен зерном, солью, камнем, изделиями и знаниями. Море не отменяло расстояния — оно меняло его цену.

Мысленная карта — маршрут с севера на юг

1. Хоккайдо и север Хонсю. Холодные зимы, богатые морские и лесные ресурсы, связи через северные проливы.

2. Центральный Хонсю. Высокие горы разделяют бассейны и области; немногочисленные равнины особенно важны для поселений и земледелия.

3. Внутреннее Японское море. Защищённые воды дают возможность связывать берега и острова при условии знания маршрутов.

4. Кюсю и пролив Цусима. Близость Корейского полуострова превращает морской переход в путь для людей, вещей и идей.

5. Рюкю и Окинава. Цепь островов ведёт к южным морским мирам, но каждый переход здесь тоже требует навигационного знания.

Проливы: границы, которые можно пересечь

Между Кюсю и Корейским полуостровом лежит Корейский пролив, а остров Цусима делает переходы между берегами короче и поэтапнее. Это не значит, что переправа была лёгкой: море могло штормить, течения — менять направление, а туман — скрывать сушу. Но пролив оставался не только препятствием. Через него люди могли перемещаться, привозя с собой новые орудия, технологии, растения, погребальные обычаи и представления о власти.

На юге острова Рюкю, включая Окинаву, образуют длинную морскую цепь. Она связывает южные области японского архипелага с более широким миром островов и морских путей. При этом не надо воображать её единственным коридором, по которому все влияния двигались в одном направлении. Обмен редко похож на улицу с односторонним движением: вместе с новыми вещами перемещаются люди, а вместе с людьми — навыки, которые местные сообщества принимают, изменяют или отвергают.

Даже название «островная Япония» способно сбить с толку. Острова одновременно отделяют от материка и позволяют выбирать морские маршруты. В разные эпохи связи с континентом усиливались, ослабевали и меняли направление. Где-то морской путь поддерживал торговлю и политические контакты; где-то расстояние, погода или решения властей делали его менее оживлённым. География создавала возможности и ограничения, но люди решали, какими из них воспользоваться.

Дожди, снег и сезонный календарь

Климат архипелага разнообразнее привычного образа «тёплой страны сакуры». На севере длиннее и холоднее зима. На юго-западе теплее, а на островах Рюкю климат субтропический. Между этими крайностями меняются сроки посева и уборки урожая, типы жилищ, одежда и сезонные работы. Разница ощущалась не в таблице температур, а в повседневных заботах: где нужно запастись топливом на долгую зиму, где ждать летних дождей, а где выбирать время для рыбалки до прихода тайфуна.

Большую роль играют муссоны — сезонные ветры, приносящие с собой смену погодных условий. В начале лета во многих районах начинается дождливый сезон, цую; поздним летом и осенью к островам могут подходить тайфуны. Зимой холодный воздух с материка проходит над Японским морем, насыщается влагой и сбрасывает её снегом на западных склонах гор.

Тихоокеанская сторона в это время во многих местах суше и солнечнее. Поэтому расстояние между двумя соседними районами ещё не гарантирует одинаковую погоду: горы меняют ход облаков и водных потоков.

Для земледелия сезонные дожди могли быть благом, но чрезмерные осадки угрожали посевам и поселениям. Рисовое земледелие, распространившееся позднее с юго-запада архипелага, требовало не только подходящего тепла и воды, но и человеческой организации: участки нужно было орошать, воду распределять, берега укреплять. География создавала условия, однако сама по себе не строила каналы и не договаривалась о правилах пользования водой. Это делали люди — порой сообща, порой вступая в конфликт.

Морские течения тоже влияли на жизнь, хотя не всегда заметно тому, кто смотрит на карту суши. Тёплые и холодные течения поддерживали разнообразие морской жизни и влияли на промысел. Рыба, моллюски и водоросли становились частью рациона, а береговые поселения зависели от навыков, накопленных поколениями. Чтобы понять местную историю, полезно спрашивать не только «что росло на полях?», но и «что давало море?», «когда можно было выходить в путь?» и «какой берег оставался доступным в непогоду?».

Огонь под землёй, вода на берегу

Японские острова находятся в активной тектонической зоне. Здесь сходятся и взаимодействуют крупные литосферные плиты; точное описание границ и их названий зависит от геологической модели, но главный вывод ясен: землетрясения и вулканизм — не случайное исключение, а постоянная часть природной истории региона. Вулканы формировали горы и ландшафты, вулканический пепел мог менять свойства почвы, а горячие источники позднее стали важной частью местной культуры и хозяйства.

Землетрясение под морским дном иногда вызывает цунами. Однако из этого не следует, что вся история Японии — непрерывная борьба с катастрофами или что бедствия автоматически создали единый «национальный характер». Последствия зависят от силы события, расстояния до поселений, формы побережья и готовности людей. Одни места оказывались уязвимее других; одни сообщества имели возможность уйти на возвышенность, другие были привязаны к низким берегам и портам. Важны и конкретные решения: где строить, как хранить запасы, какими знаниями делиться.

Горы, море, землетрясения и вулканы — не персонажи с заранее написанным сценарием. Они задают рамки, но не диктуют поступки. Один и тот же горный перевал может мешать военному походу и помогать пастуху, знающему сезонную тропу. Тихая бухта может стать убежищем для лодки, а может — целью для чужого корабля. Природные условия становятся историей только тогда, когда люди отвечают на них своим трудом, знаниями и выбором.

От первых стоянок к будущим обществам

Когда люди впервые пришли на острова, очертания берегов были не совсем такими, как теперь. В ледниковые эпохи уровень моря был ниже, и проливы сужались; отдельные острова могли соединяться сушей с соседними территориями, особенно на севере. Но и тогда вода не исчезла со всех путей. Заселение архипелага связано и с перемещениями по суше, и с морскими переходами, а самые ранние маршруты остаются предметом археологических исследований.

Надёжные свидетельства присутствия людей в японском архипелаге относятся примерно к 38 тысячам лет назад. Их жизнь нельзя восстановить по единой схеме: среда и доступные ресурсы сильно различались. В одних областях важны были охота и сбор растений, в других — морской промысел. Позднее, начиная примерно с 16–13 тысяч лет назад, в ряде регионов появляются ранние керамические изделия, связанные с культурой Дзёмон. Эти даты и особенности развития не следует представлять как мгновенное возникновение одной общей культуры: местные традиции складывались и менялись по-разному.

Ещё позднее с юго-запада начали распространяться новые формы земледелия, включая выращивание риса на заливных полях. Этот процесс связывают с контактами с материком, но он не был одинаковым во всех областях и не заменил прежнюю жизнь в одночасье. Новые культуры и навыки входили в уже освоенный ландшафт, где люди столетиями знали местные реки, леса, берега и времена года. Именно поэтому историю архипелага нельзя объяснить одной волной переселения или одной природной причиной.

Небольшое упражнение для читателя. Возьмите карту Японии и проследите маршрут от Хоккайдо до Рюкю. На каждом участке отметьте три вещи: природную преграду, возможный путь сообщения и ресурс, который мог поддерживать поселение. Затем задайте себе контрольный вопрос: «Что здесь решила природа, а что должны были решить люди?» Например, пролив разделяет берега, но выбор строить лодку, искать проводника или отказаться от переправы принадлежит людям. Такое упражнение помогает не превращать географию в судьбу.

Архипелаг был одновременно набором отдельных миров и системой связей между ними. Горы дробили сушу; моря связывали берега. Климат менялся от севера к югу и от одного склона к другому. Землетрясения и вулканы напоминали об изменчивости земли, а проливы открывали путь к соседним народам и морским культурам. Но ни изоляция, ни открытость не были постоянным состоянием: они сосуществовали и менялись вместе с историческими обстоятельствами.

Вернёмся к первому мореплавателю. Берег перед ним мог стать убежищем или опасностью — и, возможно, оказался и тем и другим. Чтобы понять, кто высадился первым, как люди приспособились к разным областям архипелага и каким образом менялись их хозяйство и общества, нужно обратиться к археологическим следам доисторической эпохи. Именно там начинается следующий разговор — о Дзёмон, первых земледельцах и рождении новых форм общественной жизни.

Доисторическая Япония: культура Дзёмон, земледелие Яёй и первые общества

Утром после дождя археолог снимает землю тонкими слоями. На кисти остаётся тёмная дуга — край глиняного сосуда. Его поверхность неровна и покрыта отпечатками шнура: будто кто-то прижал к сырой глине скрученную верёвку, оставив узор, который пережил тысячелетия. В другом раскопе, на другом памятнике, под обуглившейся землёй находят маленькое зерно риса. Оно не больше ногтя мизинца. Но вокруг него — следы древнего поля, канавы и остатки деревянных орудий.

Перед нами не просто две вещи. Это два способа устраивать жизнь. Один раскрывает мир, где люди умели жить на дарах леса, рек и моря. Другой напоминает о полях, которые требовали планирования, труда и согласованных действий. Между ними не пролегает резкая граница. И уж точно это не история о том, как земледельцы явились и одним движением смели прежний мир.

В привычном рассказе о цивилизации часто всё начинается с урожая, а продолжается появлением государства. Но на Японском архипелаге люди строили сложные сообщества задолго до рисовых полей и дворцов. Чтобы увидеть это, нужно не искать в прошлом одну волшебную дату, а внимательно смотреть на улики: глину, камень, зерно, погребения и план поселения.

Сосуд, который изменил кухню

Слово «дзёмон» обычно переводят как «узор из шнура». Так называют не единый народ и не государство, а длительный археологический период и множество местных культур, объединённых, в частности, характерной керамикой. Само название закрепилось после того, как американский исследователь Эдвард Морс в XIX веке изучал керамику у токийского поселения Омори. Сосуды с отпечатками шнуров оказались заметной уликой, но не паспортом: по ним нельзя представить всех жителей архипелага как одну общность с одинаковыми обычаями.

Дзёмон продолжался тысячелетиями. Его начало обычно относят примерно к XIV тысячелетию до нашей эры, хотя конкретные датировки и границы этапов обсуждаются. Такая длительность важна: нельзя говорить о Дзёмон так, будто его жители жили одинаково от первого костра до последнего. За это время менялись климат, береговые линии, доступность ресурсов и сами сообщества.

Самая заметная вещь — керамика — говорит не только об орнаменте. Глиняный сосуд позволял нагревать пищу в воде, хранить её и обрабатывать продукты, которые иначе было бы трудно приготовить. В некоторых местах археологи находят остатки орехов и других растений, для приготовления которых вымачивание и варка могли быть особенно полезны. Но назначение каждого сосуда нельзя уверенно определить по одной его форме: одни могли служить для готовки, другие — для хранения или других бытовых нужд.

Керамика не превращала охотников и собирателей в земледельцев. Она помогала им использовать разнообразные ресурсы. Жители Дзёмон охотились на животных, ловили рыбу, собирали моллюсков, орехи и дикорастущие растения. У моря и рек в меню были одни продукты, в лесных районах — другие. Для археолога это различие проступает в костях, раковинах, семенах, рыбьей чешуе и характере поселений.

Оседлость тоже не была простым выбором между «кочевниками» и «жителями деревень». Некоторые общины возвращались к одним и тем же местам, строили жилища и создавали запасы; другие перемещались вслед за сезонными ресурсами. Бывали и сочетания этих стратегий. Крупное поселение Саннай-Маруяма на севере Хонсю, существовавшее примерно с конца IV до начала II тысячелетия до нашей эры, показывает, насколько разнообразным мог

быть этот мир. Здесь обнаружены многочисленные жилища, ямы для хранения и остатки больших деревянных конструкций. Их точное назначение обсуждается, но сам масштаб памятника говорит о длительном использовании места и сложной организации жизни.

Собранный урожай леса требовал не меньше знания, чем обработанное поле. Люди должны были понимать, когда созревают орехи, где безопаснее ловить рыбу, как хранить запасы и какие места останутся доступными в разные сезоны. В этом хозяйстве не было одного главного продукта, от которого зависело всё. Если в одном году становилось меньше рыбы, могли выручить растения; если менялась обстановка на побережье — другие участки леса и реки.

Поселения Дзёмон были связаны обменом. Каменное сырьё, в том числе обсидиан, перемещалось между удалёнными районами; находки показывают, что люди поддерживали контакты через значительные пространства. Обмен, однако, не обязательно означал торговлю в современном смысле. Археология позволяет заметить движение материалов, но не всегда может сказать, кем были участники, как именно они договаривались и считали ли передачу предмета обменом, подарком или частью иной социальной практики.

Есть и вещи, значение которых остаётся загадкой. Глиняные фигурки догу могли быть связаны с обрядами, представлениями о теле или другими действиями, но точного ответа у нас нет. Их позы и сломанные части соблазняют придумывать истории. Археологическая осторожность требует остановиться раньше: сказать, где и в каком слое найдена фигурка, сравнить её с другими находками и отдельно признать, что мысли людей она не раскрывает.

Зерно и новое расписание жизни

Зерно риса становится особенно выразительным, когда его находят не отдельно, а в компании других свидетельств: в слое с остатками поля, канавами для воды, орудиями и множеством растительных остатков. Одно зерно может попасть на место случайно или быть принесено из другого района. Повторяющиеся находки и следы выращивания дают куда более надёжную картину.

Рисоводство пришло на архипелаг через контакты с материковой Азией, прежде всего через Корейский полуостров и север Кюсю. Его распространение связывают не только с передачей семян и приёмов обработки поля, но и с перемещениями людей. Археологические и генетические данные указывают на вклад пришлых групп в население архипелага, однако не дают основания представить этот процесс как замену одного народа другим. Люди могли переселяться, вступать в браки, перенимать технологии и менять образ жизни; в разных местах соотношение этих процессов было неодинаковым.

И датировка перехода зависит от региона и принятой хронологии. Сегодня начало рисового земледелия на севере Кюсю нередко относят примерно к X веку до нашей эры. В более старой схеме начало эпохи Яёй помещали значительно позже, примерно в V век до нашей эры. Специалисты уточняют даты по радиоуглеродным анализам и другим данным; поэтому границы эпох лучше понимать как рабочие ориентиры, а не как день, когда весь архипелаг изменился.

Название «Яёй» появилось по токийскому району, где в XIX веке обнаружили керамику этого типа. Но и Яёй — не единый уклад. Рисовые поля постепенно появлялись в новых районах, а вместе с ними распространялись разные виды керамики, металлические технологии и формы поселений. На севере и юге, в приморских и внутренних областях перемены шли с разной скоростью. В некоторых местах охота, рыболовство и собирательство продолжали играть заметную роль и после появления земледелия.

Работа на заливном поле меняла распорядок года. Нужно было подготовить землю, управлять водой, посадить и прополоть рис, а затем вовремя собрать урожай. Часть действий требовала участия нескольких людей или семей. Если поле зависело от канала, перегородки

или общего источника воды, хозяйственная жизнь уже не могла быть полностью делом отдельного домохозяйства.

Рис при этом не был ни чудом, ни гарантией изобилия. Удачный урожай позволял создать запас и пережить трудный сезон; накапливаемый излишек мог поддерживать ремесленников и людей, занимавшихся обменом или управлением общими работами. Но поле зависело от погоды, состояния воды и качества почвы. Неурожай мог ударить по тем, кто сильнее полагался на одну культуру. А возможность хранить пищу и контролировать её распределение могла усиливать различия между людьми — хотя это не происходило одинаково во всех общинах и не обязательно сразу.

Пять предметов, две эпохи

Археологические эпохи удобнее сравнивать не как два портрета народов, а как набор свидетельств. У каждого предмета есть своя выразительность и свои ограничения.

Свидетельство

Дзёмон

Яёй

Что важно помнить

Сосуд

Керамика с отпечатками шнура; использовалась в разнообразном хозяйстве

Меняющиеся формы керамики, связанные с новыми местными традициями и практиками

По узору или форме нельзя восстановить мысли владельца

Каменное оружие

Каменные наконечники, ножи, топоры и другие инструменты для охоты, обработки и собирательства

Каменные орудия продолжали использоваться; рядом распространялись металлические инструменты

Новая технология не вытесняет старую мгновенно

Зерно

Хозяйство в целом опиралось на охоту, рыболовство и сбор растений; способы выращивания растений могли различаться

Рис становится важной культурой во многих районах, особенно при наличии следов полей

Отдельное зерно ещё не доказывает местное земледелие

Бронзовый предмет

Бронза не была обычным материалом повседневной жизни Дзёмон

Появляются бронзовые предметы, в том числе колокола дотаку; распространяется и железо

Бронзовые вещи могли служить не бытовым, а ритуальным или статусным целям

План поселения

От небольших стоянок до крупных и длительно используемых поселений

В некоторых районах — поселения рядом с полями, иногда с рвами или оградами

План показывает устройство пространства, но не раскрывает его смысл полностью

Особенно осторожно следует говорить о металлах. Бронзовый колокол дотаку — впечатляющая вещь, но он не доказывает, что в каждой деревне звонили в колокола или что его назначение было одинаковым повсюду. Многие бронзовые изделия, найденные в Яёй, могли иметь обрядовое или общественно значимое применение; точная функция отдельных предметов остаётся предметом споров. Железо, напротив, постепенно становилось важным материалом для инструментов и оружия, хотя ранние вещи и технологии были связаны с обменом и менялись со временем. Камень не исчезал сразу: люди могли использовать разные материалы для разных задач.

Изменялось и устройство поселений. Там, где поля требовали устойчивого доступа к воде и земле, жильё могло располагаться иначе, чем сезонная стоянка у места сбора или рыбной ловли. В некоторых поселениях Яёй археологи находят рвы и укрепленные границы. Например, памятник Ёсиногари на Кюсю показывает крупное поселение с системой рвов. Они могли выполнять защитную функцию, обозначать границы или иметь несколько назначений; нельзя автоматически считать каждую канаву доказательством войны. Но само наличие таких сооружений показывает, что люди вкладывали труд в организацию и ограждение пространства.

Погребения тоже раскрывают различия, но не дают простой лестницы «бедные — богатые». В некоторых районах Яёй встречаются большие кладбища и погребения в керамических сосудах-гробницах. Находки украшений, оружия и иных предметов могут говорить о неодинаковом положении умерших, однако обычаи заметно отличались от места к месту. Часть людей могла получать более сложное погребение, но по одному предмету нельзя уверенно определить их должность, богатство или власть при жизни.

Так постепенно проявлялось новое общественное напряжение. Земля, вода, урожай и запасы могли становиться важными ресурсами, за доступ к которым нужно было договариваться. Урожай позволял поддерживать ремесло и обмен, но создавал вопросы: кто трудится на поле, кто распоряжается хранилищем, кому достанется вода, как община переживёт неурожай? Археологические находки не позволяют услышать ответы, данные конкретными людьми. Но план поселения, устройство полей и распределение погребальных предметов помогают увидеть, какие задачи стояли перед сообществами.

Как читать улику, не сочиняя за неё

Попробуйте небольшое упражнение — оно пригодится не только при чтении об археологии, но и при работе с любым историческим свидетельством.

1. Определите контекст. Где найден предмет: в жилище, поле, могиле, слое мусора? Что лежало рядом?

2. Отделите наблюдение от вывода. «Найдено обугленное зерно» — наблюдение. «Здесь выращивали рис» — вывод, для которого нужны дополнительные признаки.

3. Найдите альтернативы. Зерно могли вырастить на месте, принести из соседнего поселения или случайно занести в более поздний слой.

4. Сформулируйте предел знания. Чем больше независимых следов — полей, орудий, повторяющихся находок, — тем увереннее вывод. Но даже убедительный вывод не расскажет сам по себе, как люди называли свою общину и что думали о будущем.

Этот способ чтения помогает не обеднять прошлое догадками. Археология сильна не тем, что умеет безошибочно говорить от имени давно умерших людей, а тем, что учится задавать предметам точные вопросы.

Не смена декораций, а долгий разговор

Переход от Дзёмон к Яёй не был одинаковым по всему архипелагу. В северных районах острова Хоккайдо продолжали развиваться традиции, обычно обозначаемые как эпидзёмон; история Окинавы и южных островов тоже не укладывается в одну схему земледельческого перехода. Даже там, где рисоводство укреплялось, люди не отказывались мгновенно от рыбо-

ловства, охоты и сбора растений. Старые навыки и новые практики сосуществовали, переплетались, меняли друг друга.

Поэтому глиняный сосуд и рисовое зерно не рассказывают историю победителя и побеждённого. Они показывают, как менялись возможности и обязательства. В одном случае повседневность строилась вокруг знаний о множестве природных ресурсов и мобильности. В другом всё большую роль получали обработанная земля, вода, коллективный труд и запас урожая. Но ни один уклад не был простым или неизменным, а новый не отменял всего прежнего.

Истоки японского общества — не точка, в которой вдруг возникло государство, а длительное взаимодействие людей, технологий и местных условий. Много веков спустя в отдельных регионах появятся более крупные центры власти, но их нельзя представить готовым ответом, который только и ждал появления риса. Между полем и государством лежали поколения договорённостей, обменов, конфликтов и перемен. В истории архипелага именно это постепенное сложение — а не мгновенное рождение единой страны — и составляет главную улику.

Возникновение государства Ямато: кланы, китайские хроники и формирование императорской власти

В 57 году нашей эры через море переправлялся небольшой дипломатический дар — золотая печать. Мы не знаем, как выглядел корабль, сколько дней длился путь и кто именно вёз драгоценный предмет. Но китайская хроника сообщает, что посланник из страны На, принадлежавшей к миру Ва, прибыл ко двору империи Хань, а император пожаловал ему печать и ленту. Много веков спустя, в 1784 году, золотую печать нашли на японском острове Сиканосима. На ней прочли иероглифы, которые обычно толкуют как «правитель страны На в Ва, пожалованный Хань».

Эта вещь мала — её можно уместить на ладони. Но она открывает большую историю: местный правитель, чьи владения были лишь частью архипелага, уже вступал в отношения с могущественной державой за морем. При этом печать не была ни короной объединённой Японии, ни доказательством существования единого государства. Она говорит о другом: в древнем мире власть укреплялась не только мечом и родословной, но и признанием, полученным издалека.

Чтобы понять, как из множества политических общин постепенно выросло Ямато, полезно держать рядом три свидетельства: китайские хроники, археологические находки и позднюю японскую традицию. Каждое из них освещает прошлое с особой стороны — и каждое оставляет за пределами своего света немало вопросов.

Первая улика: хроника, написанная за морем

Рассказ о пожаловании печати сохранился в «Хоу Хань шу» — истории Поздней Хань, составленной в V веке, то есть через несколько столетий после описанных событий. В ней говорится о посланнике из Ва, прибывшем в 57 году. Сам текст не является репортажем очевидца: он прошёл через отбор, пересказ и оформление придворными историками. Однако его сообщение сопоставимо с найденной печатью, что делает этот случай особенно ценным.

И всё же важно не превращать совпадение в доказательство большего, чем оно подтверждает. Хроника связывает печать со страной На, а не с государством Ямато. Вероятнее всего, речь идёт о политическом центре на севере острова Кюсю. Для двора Хань представители далёких земель были участниками установленного Китаем порядка: посланник прибывал с дарами, получал титул или знак отличия и возвращался домой с символом внешнего признания. Это не обязательно означало, что китайский император действительно управлял его страной. Дипломатический ритуал мог быть языком взаимной выгоды: одной стороне он давал престиж, другой — подтверждал представление о центральной роли собственного двора.

В III веке в китайских записях появляется куда более известная фигура — правительница Химико. Основной рассказ о ней содержится в «Вэй чжи», разделе «Записей о государстве Вэй», составленных китайским историком Чэнь Шоу в III веке. Согласно хронике, прежде в стране Ва соперничали многие политические общины. После долгих столкновений правительницей избрали женщину по имени Химико. Она поддерживала власть с помощью обрядов и особого религиозного авторитета; повседневные дела, говорится в тексте, помогал вести её младший брат. Химико жила во дворце под охраной, а с подданными общалась через посредников.

Хроника рассказывает и о дипломатической миссии к двору государства Вэй — обычно её относят примерно к 239 году. Химико получила титул, печать и подарки, среди которых упоминаются бронзовые зеркала. Для двора Вэй это было признание правительницы в рамках китайской дипломатической системы. Для самой Химико — возможность укрепить положение среди соперничающих элит. Зеркала могли быть не только ценными предметами, но и знаками

особого статуса. Однако нет оснований автоматически считать найденные в японских погребениях зеркала именно теми, что описаны в хронике.

Где находилась страна Яматай, которой правила Химико, — вопрос, на который нет общепринятого ответа. Одни исследователи помещают её в северный Кюсю, другие — в район Ямато, в центральной части острова Хонсю. В спорах участвуют расстояния и маршруты, приведённые китайским автором, названия мест и археологические данные. Но исходный текст описывает далёкую землю глазами чиновников, для которых важны были пути, посольства, население и отношения с государствами континента. Это ценный источник — и не карта, составленная по современным географическим правилам.

Три колонки доказательств

Когда источники говорят об одном прошлом разными голосами, полезно не заставлять их совпадать, а сравнивать их возможности и ограничения.

Источник

Что он помогает узнать

Чего он сам по себе не доказывает

Китайские хроники

О посольствах, названиях правителей, дипломатических дарах и представлении внешнего двора о Ва

Что китайский автор точно понимал внутренние границы и устройство всех общин архипелага

Археология

О погребальных обычаях, предметах обмена, различиях в богатстве и способности организовывать большие работы

Имя конкретного погребённого, если его не подтверждает надпись или другое надёжное свидетельство

Поздняя японская традиция

О том, как двор эпохи Нара представлял происхождение своей власти и связывал прошлое с настоящим

Что изложенная в ней родословная и последовательность событий существовали в неизменном виде с древнейших времён

Это не просто способ разобраться в Японии. Так можно читать любой рассказ о древней власти. Спросите: кто создал свидетельство, когда и для какой аудитории? Затем отделите прямое сообщение от вывода исследователя. «В хронике сказано, что правительница получила печать» — факт о содержании хроники. «Эта печать доказывает, что она контролировала весь архипелаг» — вывод, который требует дополнительных доказательств.

Кланы: власть как сеть обязанностей

Археологические находки позволяют увидеть общество, которое письменные хроники описывают лишь частично. В центре политической жизни были кланы, или *удзи*. Это понятие не стоит сводить к большой семье в современном смысле. Клан мог объединять людей, связывавших себя общим предком, владениями, культовыми обязанностями и интересами. Родословная создавала политическое право, но власть поддерживали и более осязаемые вещи: рисовые поля, мастерские, доступ к металлу, контроль над переправами и портами, возможность собирать людей для войны или строительства.

Одни влиятельные группы могли опираться на военное дело, другие — на ритуалы, связи с ремесленниками или способность распределять ресурсы. Позднее известны, например, кланы Мононобэ, связанные в придворной традиции с оружием и культовыми обязанностями, и Накатоми, чьё влияние опиралось на ритуал. В ранних свидетельствах границы между такими ролями ещё не всегда ясны. Их не следует представлять готовыми министерствами: это были влиятельные объединения, чьи права и обязанности складывались исторически.

Такую политическую систему лучше вообразить не как пирамиду с одним правителем на вершине, а как сеть узлов. У каждого узла была собственная сила: люди, земля, культ, ремесло или выгодное положение. Правитель Ямато не обязательно мог приказывать каждому узлу так, как позднее государственный чиновник отдавал распоряжение подчинённому. Ему требовалось поддерживать союзы, распределять почести и дары, разрешать споры и превращать признание своей власти в общую выгоду.

Именно поэтому рост Ямато был не одномоментным завоеванием, а долгим процессом. Кланов могли сотрудничать, когда это обещало новые ресурсы или защиту, и соперничать, когда один союзник становился слишком сильным. Упрочение центра зависело от того, насколько успешно правитель превращал временные договорённости в устойчивые отношения.

Курганы, которые видны издалека

С III века на Японском архипелаге распространяются большие погребальные сооружения эпохи кофун. Среди них особенно заметны курганы в форме замочной скважины: прямоугольная часть соединена с круглой. Такие сооружения стали важным признаком власти и высокого статуса, а их распространение помогает проследить усиление влиятельных элит и расширение их связей.

Курган — не просто могила. Чтобы возвести крупную насыпь, нужно было организовать труд, доставить материалы, обеспечить строительство и провести погребальный ритуал, который был понятен участникам. Это говорит о способности элиты собирать людей и ресурсы. Но один большой курган сам по себе ещё не доказывает, что вся страна управлялась из единого центра. Он показывает концентрацию власти и возможность координации — а дальше археологи сопоставляют размеры, устройство и расположение памятников.

В погребениях находят оружие, доспехи, украшения, зеркала, конское снаряжение. Вокруг курганов устанавливали керамические фигуры ханива — цилиндры, а также изображения людей, животных и предметов. Они могли обозначать границы погребального пространства и участвовать в ритуале. Такие находки помогают увидеть не только богатство, но и различие между местными традициями: элиты не просто копировали один готовый образец, а приспосабливали общие формы к своим обстоятельствам.

Некоторые курганы пытались связать с правителями, известными по преданиям. Например, курган Хасихака иногда сопоставляют с Химико. Но это гипотеза: надёжной надписи с её именем там нет, а датировка памятника остаётся предметом обсуждения. Крупные погребения, традиционно приписываемые позднейшим правителям, тоже нельзя во всех случаях считать опознанными археологами. Название, закрепившееся в исторической традиции, — не то же самое, что установленная личность погребённого.

Здесь пригодится простое упражнение. Выберите памятник или предмет и заполните три фразы: «Археологи непосредственно обнаружили...», «Исследователи предполагают...», «Поздняя традиция называет...». Например, для кургана это могут быть форма и предметы из раскопок, предположение о времени и назначении, а затем имя правителя, связанное с ним в хрониках. Такое разделение не ослабляет рассказ, а делает его надёжнее: мы видим, где заканчивается находка и начинается интерпретация.

Море было дорогой, а не стеной

Власть Ямато укреплялась в мире постоянных морских контактов. Между островами архипелага, Корейским полуостровом и Китаем перемещались посольства, ремесленники,

предметы и идеи. Политические отношения включали торговлю, союзы, конфликты и переселение людей. Королевства Пэкче, Силла и Когурё, а также объединения южной части полуострова, известные как Кая, были самостоятельными участниками этой истории, а не декорацией для подъёма Ямато.

Контакты с материком приносили новые способы обработки металла и керамики, знания в ремесле, письменность и дипломатические модели. Вместе с людьми, переселявшимися на архипелаг, прибывали навыки и практики, которые местные правители могли использовать для укрепления собственного положения. Поэтому влияние из-за моря не означало простого копирования. Новые средства власти встраивались в уже существующие отношения кланов.

В V веке правители Ва отправляли посольства ко двору Южной Сун и добивались титулов, в том числе связывавших их с военными полномочиями на Корейском полуострове. Китайские документы сохраняют их притязания, но не подтверждают автоматически, что эти правители реально контролировали все названные земли. Позднейшие рассказы двора Ямато о владениях и походах на полуостров требуют такой же осторожности: за формулами о подчинении могли стоять переменчивые союзы, военная помощь и дипломатическое соперничество.

С конца VI века особенно заметным становится распространение буддизма через связи с Пэкче. Дату его официального появления в Ямато традиционно связывают с 538 годом, хотя в японской хронике указана и дата 552 года. Буддизм был не только новым вероучением. Он приносил храмовое строительство, изображения, тексты и новые формы политического покровительства. Но превращение этой религии в силу при дворе потребовало времени — и дальнейшей борьбы за власть. Здесь история раннего Ямато уже подходит к следующему этапу.

От великого правителя к императорской традиции

О том, как позднейший двор хотел упорядочить прошлое, рассказывают «Кодзики» и «Нихон сёки», составленные в начале VIII века — в 712 и 720 годах. Эти произведения соединяют мифы, родословные, предания и исторические сведения. В них происхождение правителей Ямато вписано в историю богов и легендарного императора Дзимму. Такое повествование помогало представить власть как древнюю, связанную и законную.

Эти тексты нельзя читать ни как буквальную хронику каждого события, ни как бесполезную выдумку. Они важны по меньшей мере в двух смыслах: сохраняют предания, существовавшие к моменту записи, и показывают, как двор эпохи Нара объяснял собственное место в мире. Их стремление выстроить непрерывную линию власти — свидетельство политической программы своего времени. Оно не доказывает, что ранние политические общины уже мыслили себя частью неизменного государства с одинаковыми правилами управления.

Титулатура тоже менялась. В ранние века правителя часто обозначают словом оокими — «великий правитель». Привычное представление об императорской власти складывалось постепенно; титул «тэнно» входит в политический язык в конце VII века. Между правительницей Химико и позднейшими императорами лежит не прямая, документально подтверждённая линия наследования, а несколько веков преобразований, союзов и переосмысления прошлого.

Как различать факт, гипотезу и легенду

При чтении об истоках Ямато полезно пользоваться коротким маршрутом из четырёх шагов:

1. Назовите источник. Китайская хроника, археологический предмет и придворная легенда отвечают на разные вопросы.

2. Зафиксируйте, что сказано или найдено напрямую. Например, хроника сообщает о посольстве, а раскопки выявляют курган и погребальные предметы.

3. Отделите интерпретацию. Связь кургана с Химико может быть разумной гипотезой, но без подтверждения это не установленное имя.

4. Сравните версии. Если свидетельства расходятся, сохраните это расхождение, а не стирайте его ради красивой, но ложной определённости.

Раннее государство Ямато возникало не в один день и не из единственного завоевания. Его власть росла благодаря союзам и соперничеству кланов, управлению ресурсами, ритуальному авторитету, погребальной демонстрации статуса и связям с материком. Китайские хроники показывают, как далёкие дворы видели правителей Ва; курганы раскрывают масштаб мобилизации и различие между элитами; поздние японские тексты объясняют, как уже укрепившаяся власть создала связный рассказ о своём происхождении.

Золотая печать потому и важна, что не закрывает вопрос, а открывает его. Она напоминает: истоки японской государственности — не готовая легенда о вечной императорской власти, а история постепенного сближения политических центров, пока ещё не обладавших единой силой и единым взглядом на прошлое.

Япония ранних столиц: реформы, буддизм и государственный порядок эпох Асука и Нара

Представим раннее утро 710 года. Перед нами новая столица: улицы пересекаются под прямыми углами, главная дорога ведёт к дворцовому комплексу, а за крышами видны храмы. Город словно начерчен линейкой — и это не только удобство для передвижения. Прямые улицы, ворота, административные здания и места для обрядов заявляют: власть намерена упорядочить не одно лишь пространство, но и людей, которые в нём живут.

Однако за парадным видом столицы нетрудно вообразить совсем другую картину. Крестьянин, доставивший рисовый налог; писец, сверяющий имена в регистрах; монах, читающий молитву об избавлении страны от бедствий; ремесленник, которого вызвали на строительные работы. Ни одного из них мы не знаем по имени. Это собирательные образы, а не документальные биографии, — но именно через такие типичные судьбы удобнее понять, что значили реформы в повседневной жизни.

Новая столица называлась Хэйдзё-кё. Позднее её будут связывать с Нарой, но для современников это был не музей древностей, а смелый проект: государство строило себе видимый центр.

От союзов к учреждениям

В VII веке правителям Ямато нужно было решать задачу, знакомую многим обществам, но особенно трудную там, где власть складывалась из союзов влиятельных родов: как превратить первенство одного правителя в систему, которая действует и за пределами его ближайшего окружения? Клановые связи помогали управлять, но одновременно ограничивали власть двора. Знатный род мог предоставить чиновников и военную поддержку, однако претендовал на влияние и ресурсы.

Показательным рубежом стал переворот 645 года, после которого верх взяли принц Накано Оэ и Накатоми-но Камако, будущий Фудзивара-но Каматари. Их противник, род Сога, долго играл исключительно важную роль при дворе. Смена влиятельной группы не создала централизованное государство за один день. Но она открыла путь реформам, которые вошли в историю под названием «реформы Тайка» — «Великие перемены». Провозглашённые в 646 году меры задали направление: управление должно было опираться на распоряжения двора, учёт населения и территориальные единицы, а не только на наследственные права отдельных родов.

Реформаторы смотрели на континент, прежде всего на китайские модели управления. Они видели, как крупное государство может содержать чиновничий аппарат, вести календарь, собирать налоги и объявлять закон от имени правителя. Но Япония не скопировала готовую инструкцию. Идеи пересекали море, а применялись в обществе со своей историей, своими родами и собственными культами. Государственная реформа означала не замену местных порядков одним новым порядком, а затяжные переговоры между ними.

Ещё раньше с материка поступали управленческие и философские идеи. Принцу Сётоку, жившему на рубеже VI–VII веков, поздняя традиция приписала важную роль в укреплении двора, а также «Уложение семнадцати статей» 604 года. Это не конституция в современном смысле, а наставления для должностных лиц — о послушании правителю, согласии и правильном поведении. Сётоку важен и как символ эпохи, когда двор учился представлять себя частью большого международного мира. Посольства отправлялись к китайским династиям; посланник Оно-но Имоко побывал при дворе Суй в начале VII века. Дипломатия была не просто обменом подарками: она давала доступ к письменности, знаниям и образцам государственного устройства.

Затем события усилили чувство срочности. В 663 году силы Ямато потерпели поражение в битве при Пэккангане, вмешавшись в борьбу на Корейском полуострове. Угроза ответного нападения заставила двор укреплять оборону и собирать ресурсы. Внешняя опасность стала одним из двигателей централизации: чтобы защищать страну, следовало лучше знать, кто в ней живёт, кто способен служить и чем располагает каждая область.

Закон, налог и человеческий масштаб

В начале VIII века этот проект получил более стройное юридическое оформление. Кодекс Тайхо, составленный в 701 году, и позднейший кодекс Ёро, подготовленный в 718-м и введённый в действие в 757-м, закрепляли систему, которую принято называть рицурё: «уголовный закон и административные предписания». В ней существовали центральные ведомства, провинции, округа и деревни. Двор направлял в провинции чиновников, а местные влиятельные семьи нередко становились посредниками между центром и населением.

Слово «кодекс» может внушить образ механизма, который заработал сразу после принятия закона. В действительности чиновничья система была ограничена размером государства и количеством людей, способных вести письменный учёт. В Японии не возникла открытая система экзаменов, сопоставимая с идеализированным китайским образцом: происхождение, ранги и связи при дворе оставались важными для карьеры. Новые учреждения не устранили старые элиты — они вовлекли их в государственную службу.

Представим деревенскую семью, попавшую в перепись. Писец заносит её членов в регистр, а чиновник определяет, кто и какие обязанности должен нести. В системе предусматривались земельные наделы и налоги: рисом, местными продуктами или работой. Мужчин могли призывать на повинности и военную службу. Подробности зависели от времени и местности, а реальные сборы не всегда точно совпадали с предписаниями.

Для крестьянина государство могло выглядеть не как дворцовый зал, а как список обязанностей: сколько риса отдать, что принести, сколько дней работать вдали от дома. Чиновник же сталкивался с другой трудностью: приказ из столицы требовалось исполнить в области, где состояние дорог, урожай и влияние местных семей были известны лучше, чем двору. Иногда формальный порядок приходилось приспособлять к обстоятельствам; иногда за пропущенной строкой в регистре стояла попытка уклониться от тяжёлой повинности. Закон стремился сделать население видимым для власти, но люди не становились от этого одинаково доступными для управления.

Практика для читателя. Представьте, что вы — деревенский писец. Для каждого хозяйства вам нужно записать людей, землю и обязанности. Подумайте, какие сведения необходимы столице для сбора налогов и военного набора, а какие самому хозяйству хотелось бы не сообщать. Это маленькое упражнение показывает важную вещь: перепись — не нейтральный список. Она помогает распределять помощь и повинности, а значит, одновременно служит знанию и контролю.

Неравенство проявлялось и географически. Ближе к столице распоряжения двора, как правило, были ощутимее; на дальних рубежах власть действовала через посредников, военные походы и постепенное включение местных общин в новую систему. В северо-восточных землях жили группы, которых источники двора называли «эмиси»; на юге особым объектом подчинения становились «хаято». Эти названия отражают взгляд центра, а не всю сложность жизни местного населения. Для людей в отдалённых областях государственное расширение могло означать новые союзы и возможности, но также военное давление и потерю привычной самостоятельности.

Буддизм: вера и политический ресурс

Одновременно с чиновничьими учреждениями укреплялся буддизм. Его путь в Японию начался до реформ VII века, через контакты с Корейским полуостровом и материковым миром. Споры о принятии новой религии касались не только веры. Они затрагивали престиж, меж-

дународные связи и право влиятельных родов покровительствовать новому учению. После борьбы между кланами Сога и Мононобэ двор всё заметнее поддерживал буддийские храмы.

Буддизм давал правителям новые ритуалы и язык легитимности. Государь мог выступать как защитник учения, а благополучие страны — связываться с молитвой, моральным порядком и действиями монашеской общины. Но это не означало, что местные верования исчезли. Почитание kami — разнообразных божественных сил, связанных с местами, предками и явлениями природы, — продолжалось. Двор обращался к собственным ритуалам, а буддийские храмы и местные святилища существовали в одном мире, хотя их отношения менялись со временем.

В эпоху Нара государственная поддержка буддизма стала масштабнее. В 741 году император Сёму распорядился создавать провинциальные храмы и монастыри — кокубун-дзи и кокубун-ни-дзи. В столице возводили Тодай-дзи, где в 752 году совершили торжественное открытие Большого Будды. Работа над храмами требовала огромных ресурсов: дерева, металла, труда ремесленников и перевозок. Для двора это был религиозный проект и одновременно демонстрация того, что власть способна объединять людей и материалы на расстоянии.

Для монаха храм был пространством молитвы и учёности, но также частью политического устройства. Монахи обладали грамотностью, поддерживали обряды и могли быть посредниками между двором и религиозной традицией. При этом близость к власти создавала и напряжение: религиозные учреждения получали привилегии и ресурсы, а их влияние иногда вызывало тревогу у правителей. Государственный буддизм не был одной лишь декорацией, но и не превращал страну в общество, где каждый житель исповедовал одну и ту же веру одинаковым образом.

Прогулка по Наре: четыре пространства власти

Вернёмся к Хэйдзё-кё. Столичный план подсказывает маршрут, по которому можно прочесть разные стороны раннего государства. Важно помнить: это мысленная прогулка. От первоначальных построек сохранились не все следы, а современный посетитель видит и археологические руины, и поздние реконструкции. Но планировка позволяет представить, как власть хотела выглядеть.

Этап

Зона

Что она показывает

1

Дворцовый комплекс

Центр, где собирались чиновники, принимались посольства и совершались государственные церемонии

2

Главная улица и кварталы

Попытку распределить город по единому плану и связать дворец с повседневной жизнью

3

Храм

Сотрудничество власти с буддизмом и масштаб мобилизации ресурсов

4

Окраина

Предел столичного порядка: ремесленные работы, сады, поля и неравный доступ к городским благам

Во дворцовом комплексе, известном как дайри, управление становилось публичным представлением: церемонии, доклады и аудиенции показывали, кто имеет право говорить от имени государства. Но это пространство было доступно далеко не каждому. Большинство жителей никогда не переступали порог дворца.

За ним тянулись улицы и кварталы. Главная ось, проспект Судзаку, связывала южные ворота с дворцовым районом. Прямые линии словно сообщали: движение, торговля и служба должны подчиняться общему замыслу. Но город не был сплошной чередой аккуратных домов. В нём соседствовали официальные участки, жилища, мастерские и незастроенные пространства. План задавал форму, а жизнь постоянно заполняла её по-своему.

Храм открывал другой масштаб. Здесь государственный приказ превращался в архитектуру и обряд, а буддийское учение — в резьбу, живопись, статуи и звук служб. Величие сооружений было впечатляющим, но за ним стоял труд людей, чьи имена могли не попасть в хроники. Для одних столичная стройка означала мастерство и заработок, для других — повинность и отрыв от дома.

Наконец, стоит мысленно дойти до окраины. Здесь государственная столица соседствовала с полями и деревнями, а доступ к её благам был неравным. Придворный мог видеть в Нара торжество порядка; крестьянин — место, куда отправляют налог и откуда приходят распорядки; ремесленник — рынок и опасность быть призванным на очередную работу. Один город, несколько разных государств в сознании его жителей.

Хроники и право рассказывать прошлое

Централизованная власть стремилась упорядочить не только настоящее, но и прошлое. В 712 году появился «Кодзики», в 720-м — «Нихон сёки». Эти произведения соединяли мифологические рассказы, предания и сведения о правителях, выстраивая историю происхождения императорского дома. Миф здесь — не «ошибка вместо истории», а язык, при помощи которого общество объясняло устройство власти и своё место в мире.

Хроники не следует читать как беспристрастный протокол. Они создавались в придворной среде и помогали утверждать законность правящей династии. Некоторые сюжеты и имена можно сопоставлять с археологическими данными и внешними источниками, но это не превращает весь текст в простой перечень подтверждённых событий. Полезно задавать вопрос не только «что произошло?», но и «зачем этот рассказ был нужен тем, кто его записал?».

Показательно, что в 713 году двор распорядился составить описания провинций — фудоки. В них сообщались особенности местности, названия, продукты и местные предания. Это было знание, нужное управлению, но также способ включить региональные истории в общую картину страны. Центр не мог просто стереть местные традиции; ему приходилось собирать их, классифицировать и переосмысливать.

Лаборатория, а не завершённая система

Асука и Нара — не история внезапного рождения безупречного государства. Это история настойчивой попытки создать учреждения, которые могли бы пережить отдельных правителей и влиятельные роды. Двор заимствовал континентальные модели, но изменял их; составлял кодексы, но зависел от местных посредников; строил столицу, но не мог одинаково глубоко управлять каждой областью. Храмы укрепляли престиж власти и одновременно становились самостоятельными центрами ресурсов и влияния. Хроники рассказывали о происхождении страны, но вместе с тем раскрывали интересы тех, кто получил право это происхождение описывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.